

Культура. — 1994. — 27 авг. — С. 8.

Однажды Светлана Виноградова мимоходом заметила: «Есть орфическое служение искусству, когда художник перестает ощущать собственное «я», а есть исполнители, которые всегда думают только об одном: «Я «звезда».

Ее никто никогда не называл «звездой». Но вот уже более трех десятилетий на самых почетных сценах столицы — Большого зала консерватории, Зала имени Чайковского, Колонного она собирает слушателей, ждущих ее слова.

В предстоящем сезоне во дворе культуры «Меридиан» Светлана Виноградова открывает новый абонемент, впервые — независимый ни от одной концертной организации. В его четырех циклах для взрослых и детей она выступает как автор, режиссер и ведущая программ.

— Светлана Викторовна, в этих программах вы перекидываете мосты из времен Андрея Рублева в мир экспериментальной музыки XX века. Вы приглашаете детей придти на концерты с любимыми игрушками и обещаете взрослым познакомить их с музыкой в храме и на улице. Что это? Не верится, что в вашем случае — рекламный трюк. Или вы делаете это для своих товарищей-артистов?

— Да, конечно, я им бесконечно благодарна. Но дело не только в этом. Меня тре-

вожит, что филармония уходит от воспроизводства репертуара, адресованного родителям и детям, от привлечения к этим циклам самых талантливых исполнителей. Знаете, когда-то я написала работу, в которой утверждала, что в неразрывной цепочке Композитор — Исполнитель — Слушатель есть еще невидимое четвертое звено — Администратор. К сожалению, в наше время эта четвертая составляющая становится главной.

Когда я училась в консерватории, у нас бывала такой термин: проходит «по классу

профкома». Беда наша, что именно специалисты из этого класса, бездарные и ленивые, но хорошо протезированные, стали руководить искусством. Отсюда многие организационные беды наших филармоний и театров. В Москве случилось непредвиденное: ряд артистов, которые были гордостью концертных залов, предложили уйти из филармонии, поскольку они имеют контракты на Западе.

— Почему?
— Почему это Яго всегда вычисляет Отелло, а не наоборот? Почему Яго вертит мавром, как игрушкой? Почему артистом манипулирует чиновник, творя административный произвол в распределении его занятости и оплаты труда?

В сфере классической музыки редчайшее счастье встретить талантливого администратора. Сколько знаменитых ныне артистов благо-

дарят уже ушедшего Владимира Иосифовича Фридмана! Он боготворил талант, не пропускал ни одного дебюта и всеми силами поддерживал и ведущих, и начинающих. Главным мерилом для него была степень одаренности артиста. Талант был и критерием формирования концертной ситуации. И по его приглашению даже на малые сцены шли и Н. Бессмертнова, и Е. Нестеренко... Это тоже талант. Благодаря его работе и возникало триединство Музыки, Исполнителя и Слушателя, обратная и прекрасная связь между ними.

Что же касается рок-культуры, то в отличие от симфонической музыки она умеет себя пропагандировать, организовывать сенсацию, а сенсация содействует признанию. И вот парадокс. Филармонисты вслед за Пастернаком считают, что «быть знамени-

ты некрасиво», а рок-культура строит на сенсации популярность исполнителя. И она воспитала своих умелых администраторов. Для классического искусства подобных почему-то не находится. Может быть, им просто меньше платят?

— Вы отдаете много времени и внимания циклам «Музыка детям», «Семья и музыка». На чем основано это очевидное ваше пристрастие?

— Однажды на Международном конгрессе деятелей искусства и науки, посвященном воспитанию детей, мне посчастливилось подолгу вглядываться в лица участников. Это были мудрецы, которые не расстались с памятью детства, того первого семилетия человеческой жизни, в котором закладывается будущее личности.

Когда время от времени возникают кампании «В за-

щиту детства», «В защиту ребенка», я всегда думаю: соответствуют ли попечители детей своему предназначению? Ведь по отношению к ребенку нельзя мыслить кампанейски. Дело совсем в другом — в системе воспитания порядочного человека. Возьмите «Детские песни» и «Детский альбом» Чайковского. Вот где закодирована эта система! То, что переживает ребенок на концерте, присловившись к плечу взрослого, — это таинство воспитания. И чем раньше оно начинается, тем лучше.

В правильно сформированном детском сознании огромное место занимает творческий порыв, всегда безрасудный, отважный. В эту пору человек во всем становится первооткрывателем, и он так же открыт воздействию искусства. Поэтому я спокойно даю самым маленьким детям слушать Бетхова-

на. В нашем нестабильном мире дети свободно воспринимают закодированную в языке борьбу добра и зла, вечные гуманистические ценности. Мои абонементы для детей и родителей — это, если хотите, шаг к осуществлению мечты, к тому, чтобы к людям вернулась потребность к музицированию, к пению.

Вы задумывались над тем, почему люди у нас сейчас почти не поют? Не поют на улицах, не поют в семьях, редко поют даже на праздниках. Поют за деньги в переходах метро. А в остальном у людей спазм, стиснуто горло. Молодые говорят, что компьютерная музыка будет лучше созданной человеком. Массовый зритель больших эстрадных концертов, которые, как правило, идут под фонограмму, отвыкает видеть, как рождается звук, отвыкает от наслаждения владеть и своим голосом. Между

ОРФЕЕМ

Культура. — 1994. — 27 авг. — С. 9.

тем голос — это выражение гармонии, внутреннего согласия человека с миром — от мира своей души до космического общения с горными вершинами. Петь нельзя, фальшивая! Это невозможно!

Я выхожу на сцену, чтобы дышать вместе с залом, вместе с залом думать о том, как лучше прожить свою жизнь. Иногда меня упрекают: надо ли в музыкальной программе говорить о проблемах житейских?! Говорят, что это ужасно с точки зрения музыковедения. Но как иначе говорить о гармонии и красоте? Другое дело, что я никогда не рассказываю житейских анекдотов о великих людях, потому что глубоко убеждена, что для каждого из нас желанным остается идеальный слой нашей жизни. Смаковать ошибки, заблуждения великих людей — это по меньшей мере стыдно. И у гения, и у пророка бывают несовер-

шенные мысли и поступки. Но гений остается гением. К тому же для меня очень важен особенный характер российского слушателя. Он всегда стремится к опереживанию.

Иные люди оттягивают знакомство детей с классикой и в то же время не пытаются уберечь их от натиска поп-культуры. Скажем, в передаче «Утренней звезды» пятилетние девочки выполняют телевидения ночных красавиц. Вот это для меня страшно, и еще более страшно, что мамы девочек гордятся этим. Как глухи люди к такому несоответствию!

Недавно я была на Крымском валу на выставке «Художник вместо произведения». Там вы прежде всего видите человека, стоящего на руках, потом — человека, который наматывает на себя кишки, размазывает по себе кровь, третий лежит, а на нем

гробом — внутренности. Там извращения, там те части человеческого тела, которые не принято демонстрировать. И вы идете из зала в зал и чувствуете, что можете потерять сознание. Я была на этой выставке с двумя молодыми друзьями. Я не выдержала, вышла первой, потому что меня стало тошнить. Вскоре вслед за мной вышел молодой человек, у него было апоплексическое лицо. А третья спутница, молодая художница, вышла и совершенно спокойно сказала: «Ой, и мы это делали, ничего особенного». Потом мы долго спорили: зачем это? И художница сказала: это нужно, чтобы нам потом было хорошо. Им, молодым, оказывается, уже недостаточно реального каждодневного напряжения, скандальной хронике жизни, им нужен факт искусства, который бы аккумуляровал эту раздробность общества на физиологический, изначально надругательский уровень. А потом якобы из чувства протеста они будут возрождаться к жизни и творчеству, воссоздавать себя. С таким объяс-

нением становятся понятнее эти «металлики», рок-группы с вымазанными красками лицами, с черепами, с утробными голосами, которых мы так боимся.

— Но так ли уж обязательен этот путь?

— Разумеется, нет. Вот почему я и призываю к как можно более раннему знакомству с классическим искусством. Оно оберегает, защищает человека от разрушительных тенденций. Я знаю это по себе. Когда мне было пять лет, я слушала Прокофьева и за дирижерским пультом, и за роялем. Он играл программу, которую я называю помню до сих пор. И в звучании, и в порядке номеров. Я также помню концерты Игумнова. Родители мне не разрешали ходить в кино, но не прятали книг «Петр I» и «Юла Брюньон» — я их перечитывала каждый год.

Я выросла в залах музея на бывшей Кропоткинской и до сих пор помню, где висели Ренуэ — Сезанн.

Искусство вовремя пришло ко мне. Это глупости, когда

говорят, что оно недоступно детям. Доступно всем и во все времена, просто надо воспитать внутренний порыв к искусству.

— Не будем прятаться от жизни. Интеллигенция сейчас живет чрезвычайно трудно, и многие люди вынуждены отказывать себе в посещениях театров, в подписке на любимые издания. Все чаще высказываются опасения, что мы вырастим поколение с единственным кумиром — золотым тельцом.

— А я так не думаю. Интеллигенция, может быть, ушла на дно в митинговых проявлениях, но ничуть не оскудела другая, ее внутренняя жизнь. Это тоже своего рода сопротивление суете. Искусство воспринимается уже на совершенно новом уровне — ассоциативном. Это парадоксальный путь развития, но он очевиден. И не случайно у всех молодых людей самым любимым видом искусства стала музыка. Во всех анкетах, опросах молодые люди называют музыку. Посмотрите, как они едут, идут, заткнув себе уши плеерами.

— Но какая там звучит музыка, это неважно?

— Нет, это не важно. Но ведь и здесь не все потеряно! Только при одном условии — если мы не останемся ленивыми и нелюбопытными к новым явлениям искусства.

В пору своей работы на телевидении я как-то привела руководителя музыкальных программ в лабораторию, где с лазерной технологией работали совсем молодые тогда Софья Губайдулина, Эдисон Денисов, Альфред Шнитке, то есть те, кто сейчас признан и прославлен. Но тогда на «главного» их работа не произвела впечатления. Очевидно, он был «из класса профкома». А лазер ушел в поп-культуру, то есть мы сами отдали рок-музыке то, что по праву могло принадлежать классике.

Сейчас я часто думаю о Четвертой, Пятой и Шестой симфониях Чайковского, тема которых — образ судьбы человека. Об этом говорил сам Чайковский. Я держала в руках его записные книжки и видела, как над главной те-

мой Шестой симфонии Чайковского написаны слова: «Зачем, зачем, для чего?». Это наша сегодняшняя тема — зачем мы живем и для чего?

Для каждого порядочного человека «зачем?» и «для чего?» решаются прежде всего тем, как свою судьбу соединить с общей судьбой народа. Чайковский именно так и думал. И вот поразительно — думаю о Чайковском и всегда рядом вижу Игоря Талькова с его песней «Россия».

По-моему, уже наступил момент поворота, когда мы все на пороге осознания единства судьбы. Я больше не хочу, чтобы мной, моим государством управляли люди, которых я не могу уважать. Я хочу, чтобы мы все были озабочены судьбой России.

Да поможет нам наша способность к самоанализу, к творчеству. Она и дана нам для того, чтобы воспитывать стойкие и честные души.

Записала

Г. ВЛАДИМИРОВА.